

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 811.111, 81'272, 81'276.6:34, 81'42

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В УСЛОВИЯХ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ЧАСТНОГО ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОМ ПАН-ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

С.В. Власенко, В.А. Заславская

Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики», Москва

В статье рассматриваются некоторые проблемы юридического перевода, обусловленные становлением юридического пан-европейского английского и его активной унификацией. Цель статьи состоит в приоритизации тех проблем юридического перевода, которые, являясь лингвистическими по форме, влияют на существенное понимание терминологии, правовых норм и их дефиниций в вещном праве ЕС, и, вследствие этого, обременяют межъязыковую правовую коммуникацию. Примеры перевода терминологии иллюстрируют не только сложности установления смысловых отношений между переводимыми юридическими понятиями, но и выявление коррелятивности терминологии, обозначающей имущественные отношения в ЕС.

Ключевые слова: лингвоареальная вариативность, правовая коммуникация, правовой узус, семантические отношения, терминология вещного права, юридический английский язык, юридический евроанглийский язык, юридический пан-европейский английский, юридический русский язык, юридическая терминология ЕС.

*«Юридический перевод не есть и не может
быть монополией юриста».*

Кристофер Осаке, 2011

Унификация терминологии в любой отрасли знаний неизбежно сопряжена с систематизацией соответствующего понятийно-категориального аппарата. Масштабную попытку унификации можно проиллюстрировать на примере международного проекта ЮНЕСКО, в рамках которого несколько десятилетий назад был разработан четырехтомный тезаурус научно-технической терминологии «The UNESCO Spines Thesaurus» в целях содействия принятию решений в вопросах стратегического управления и развития стран-членов [40]. Этот тезаурус – пионерский почин, призывавший страны оперативно реагировать на научно-технический прогресс, информационно-технологические дос-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения в 2015 г. исследования по проекту 15-05-0015 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием выделенной НИУ ВШЭ средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Авторы благодарят М.Н. Клевченкову, старшего преподавателя кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) за важные комментарии по терминологии вещного права, сделанные в ходе работы над статьей.

тижение, обеспечивая системность отражения и классификации понятийных аппаратов и номенклатур разных сфер знаний и областей деятельности.

Попытки унификации можно проиллюстрировать примерами не только на международном, но и национальном уровне. В юриспруденции, учитывая большое количество её отраслей, любая попытка систематизировать отраслевую терминологию связана с внутриотраслевой и межотраслевой «договоренностью», согласием юристов в отношении содержания понятий и их обозначения соответствующей терминологией. Примером национальных попыток систематизации и унификации терминологии юридической сферы служит правовой классификатор и тезаурус, разработанный в 1998 г. в рамках соответствующего проекта Экспертно-консультативным советом по проблемам систематизации и кодификации законодательства при Председателе Государственной Думы [37].

Однако ни масштабность, ни проработанность подходов к унификации и стандартизации терминологических систем правовых отраслей не дают принципиальных решений по ключевым проблемам межъязыкового перевода, а именно: обеспечению адекватности передаваемого в переводе знания о профессиональной картине мира, отражённой в тексте-источнике.

Настоящая статья имеет целью содействовать приоритизации тех проблем юридического перевода, которые, являясь лингвистическими по форме, явно выходят за рамки лингвистических конвенций. К таким проблемам, в частности, относится лингвоареальная зависимость переводческих решений, в силу которой сущностное понимание правовых норм, дефиниций и толкований реальной правовой ситуации в странах ЕС осложнено наличием особого профессионального правового узуса, т.е. узуального употребления терминологического аппарата, свойственного только данной супранациональной юрисдикции. В этой связи следует признать справедливость названия, данного С. Шерчевич европейскому юридическому языку – «юридический пан-европейский язык» (Pan-European legal language) [25]. Укажем и на другую работу, в которой описана специфика этого языка, названного «юридическим евроанглийским» [3].

Юридический пан-европейский английский в аспекте перевода на русский

Представляется возможным утверждать, что юридический пан-европейский английский – это язык супранациональной юрисдикции, который представляет собой лингвистическую и культурно-историческую реалию, находящуюся на этапе активного становления. Среди учёных, разделяющих данную точку зрения, есть и юристы, и лингвисты (см. среди прочих: [1; 21; 23]). Наличие такого языка, хотя и находящегося на этапе становления и в строгом смысле являющегося не самостоятельным языком, а лингвоареальным вариантом юридического английского, обуславливает серьёзные проблемы в ситуациях языкового контакта, опосредованного юридическим переводом. Объективно он материализует дополнительный языковой код на фоне уже существующих вариантов юридического английского: британского [16; 20; 29], американского [15; 18], канадского [14; 41], а также так называемого «международного юридического английского» (International Legal English) [17]. И, не-

смотря на общие истоки юридического английского [10; 22; 27], внутриязыковая дифференциация уже сама по себе формирует определённую коммуникативную среду с высоким уровнем прагматически обусловленных правовых смыслов, которые заданы профессиональным правовым сообществом, в данном случае – Евросоюзом как супранациональной юрисдикцией.

Знаменательно мнение П.М. Тиерсмы в отношении скрытых сложностей юридического перевода в ЕС. Рассуждая о последствиях глобализации для правовых систем современности, учёный, в частности, утверждает:

«Если правовые системы оказывают всё более заметное влияние друг на друга, коснётся ли глобализация и юридического языка? Одним из последствий глобализации для права является растущая потребность в переводе с одного юридического языка на другой. Ещё одним аспектом глобализации является создание международных альянсов или конфедераций, таких, как Европейский Союз. Небезынтересно, что по мере создания единой правовой суперструктуры европейские страны начинают осознавать, что несмотря на наличие общей цивилистической традиции, перевод с одного юридического языка на другой может быть сопряжён с проблемами. Для ЕС это важный вопрос, поскольку в нем насчитывается около двадцати официальных языков» [28: 25] (Здесь и далее по тексту перевод на русский наш. – С.В.).

На текущем этапе становления юридического пан-европейского языка понятны попытки юридического сообщества ЕС гармонизировать и унифицировать понятийно-категориальный аппарат, отражающий законодательство, доктринальные подходы и судебную практику регулирования правовых отношений. Результатом стратегии гармонизации и унификации юридической терминологии ЕС служит объёмный документ, разработанный в ходе многолетнего проекта с участием учёных из всех государств-членов ЕС при поддержке Европарламента. Документ получил название «Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference» (далее – DCFR) [44]. Специфику данного документа как проекта будущего кодекса обязательственного права ЕС, или модельного кодекса коммерческого права, отмечают правоведа разных стран (среди прочих см., например: [13; 19]). В официальном русскоязычном переводе он фигурирует под сокращённым названием «Модельные правила Европейского частного права» (далее – «Модельные правила») [43]. Укажем на полное русскоязычное название: «Принципы, определения и модельные правила Европейского частного права. Проект общей справочной схемы (DCFR)». Можно предложить, если не оспорить, альтернативную версию понимания и перевода второй части названия, а именно «общая справочная схема» (Common Frame of Reference, CFR).

И в общем, и в отраслевом переводоведении существует много подходов к оценке и определению эквивалентности единиц исходного оригинала с текстом перевода. В свою очередь оценка эквивалентности неразрывно связана с понятием точности перевода. Исходя из базовых положений переводоведения, пословный перевод при передаче текстов со сложным предметно-тематическим содержанием не приветствуется. В этой связи уместно также обратиться к мнению представителя отечественной школы перевода, Н.К. Гарбовскому, который, рассматривая категорию точности в переводе, утверждает:

«Требование сохранения некой "точности" перевода, некоего тождества информации представляется сомнительным. Это идеалистическое стремление разрушается представлениями об асимметрии языковых картин мира, о различном членении действительности языками, сталкивающимися в переводе, о семантической и функциональной асимметрии, о различных тенденциях языкового общения, проявляющихся, в частности, в стремлении одного языка использовать более конкретные обозначения там, где другой использует более общие, и наоборот. Примеры таких асимметрических явлений подробно и широко описаны Л.С. Бархударовым, Я.И. Рецкером, В.Г. Гаком и многими другими» [4: 100].

Дискретно переданная семантика словосочетания *frame of reference* привела к стилистически небезупречному русскоязычному варианту. Может ли текст документа, включающий 11 книг (разделов) объёмом полторы тысячи страниц основного текста или почти пять тысяч страниц текста с комментариями, быть назван «схемой»? Наряду с этим вопросом, встаёт вопрос о значении словосочетания, которое современные многоотраслевые словари передают в достаточно широких границах толкования: 1) (*общез.*) система взглядов, ценностная ориентация; точка зрения; 2) (*методол.науки*) рамки рассмотрения (проблемы), предметное поле (базовые посылки, устанавливающие границы предмета научной дисциплины или подхода); 3) (*матем.*) система отсчета [координат]; 4) (*общез.*) сфера деятельности, компетенция [39] (данный электронный словарь фигурирует в двух версиях – 2011 и 2014 гг., так как они заметно отличаются по формату подачи словарных статей и их наполнению). Учитывая приведённое выше мнение отечественного переводоведа, а также другие наработки отечественной школы перевода, и исходя из словарных значений, предложим несколько отличающиеся варианты передачи терминосочетания CFR, а именно: «основы / система понятий [частного права]» или «понятийный аппарат / системная основа понятий [частного права]», т.п. Именно в терминах «системы» и «основ» описывается, как правило, понятийно-категориальный аппарат любой дисциплины. В любом случае переводчики-юристы документа столкнулись и с другими объективными сложностями, некоторые из которых будут рассмотрены ниже.

В предисловии к русскоязычному изданию участники переводческого проекта указали, что основной проблемой перевода документа явился «выбор границы между буквальным переводом и переводом, приспособленным к понятной для российского юриста логике» для максимального сохранения «своеобразия оригинального текста» [43]. Представляется, что сохранение своеобразия юридического документа, предмет которого – частное право, по своей структуре не совсем конгруэнтное российскому частному праву, – уже изначально не мог быть легко решаемой задачей. Далее в комментариях к переводу указано, что «перевод некоторых выражений в силу их смыслового многообразия обсуждался коллективно... [Было сложно согласовать подготовленный перевод отдельных статей с определениями, включенными в приложение (Definitions)]. Оказалось, что в нашем праве отсутствуют специальные термины для описания некоторых использованных в приложении понятий» [там же]. Полностью разделяя позицию коллегиальности авторитетных юристов-переводчиков, реализованную ими в ходе выработки совместных переводческих решений, позволим себе виртуальное участие в процессе установления

переводческих соответствий для отдельных терминов DCFR посредством аргументации своей позиции в концептуально сложном поиске единого и окончательного решения. В целях настоящей статьи представляется крайне важным указать на наличие «остатка» переводческих решений, на существование ряда альтернативных решений, помимо тех, которые были выбраны коллегиально группой переводчиков-юристов в ходе их тщательной работы.

В этой связи уместно отметить возрастание актуальности допущений, которые делали советские праведы на основе сопоставительно-правового и сравнительно-языкового анализа международных договоров, анализируя двуязычные или многоязычные тексты с целью оценки их аутентичности и эквивалентности. В частности, В.И. Евинтов указывает на то, что «объёмы значений эквивалентных терминов совпадают лишь в ограниченном числе случаев, а в большинстве своём не совмещаются по всем признакам передаваемых понятий» [5: 39]. Примеры такого частичного совпадения описаны ниже.

Смысловое содержание термина:
вариативность и семантическая незамкнутость

На высокую связанность терминологического значения национально-правовыми контекстами указывают многие юридические переводчики разных стран (см. среди прочих: [11; 23]). Вместе с тем, есть и такие исследователи, которые полагаются на процессы гармонизации правовых понятий и соответствующей терминологии в национальных системах права. По мнению таких исследователей, интернационализация юридической сферы призвана унифицировать содержательную сторону важнейших правовых механизмов и подходов, что в конечном итоге послужит надёжной опорой, если не панацеей, для решения проблем юридического перевода (см. позицию Л. Вольффа [33]).

Полагаем, что смысловое наполнение юридической терминологии как объекта научного описания и системы фиксации юридических смыслов отличается высокой степенью конвенциональности, под которой подразумевается согласованность выраженных смыслов между членами профессионального правового сообщества, формирующая так называемое «знание по умолчанию». Другими словами, терминологические значения имеют природу гештальта, требуя целостного, недискретного восприятия [31: 113]. Наглядным примером подобного знания может служить термин *attachment*, представленный в документе как своего рода самостоятельный вид *property*. Однако самостоятельность эта в известной степени условна, поскольку термин обозначает имущество, которое является функционально составной частью какого-либо иного объекта и физически легко отделяемо без ущерба для основного объекта, например, автомобиль – двигатель. Уточнение значений *attachment* посредством консультации с авторитетными двуязычными юридическим словарями лишь осложняет понимание специфики имущественных отношений, «вложенных» в семантику термина:

- *attachment* – (1) скрепление (*печатью, подписью*); (2) наступление (*ответственности, риска, обязанности и т.д.*); (3) заключение под стражу; (4) наложение ареста на имущество; судебный приказ об аресте лица или наложении ареста на имущество; (5) привод в суд; (6) прикомандирование; (7) изъятие (*имущества*); выемка (*документов*) [34 2003: 79];

- *attachment* – арест имущества; наложение ареста (*на имущество, банковский счет*), конфискация, условное обременение, а также приложение, дополнение (*к договору*) [35: 52].

В словарных значениях, приведённых для *attachment*, отсутствуют такие, которые бы указывали на объективацию правового знания о виде [дополнительного] имущества, включённого в другое имущество в качестве составной части последнего. Значения, в значительной мере пересекающиеся с приведёнными в [34: 79], находим и в [36: 27]. Представляется имплицитной та часть значения термина *attachment*, которую авторы документа заложили в этот термин, а именно: семантику квантификации, когда термин обозначает объемлемое множество, выступая в качестве составной части объемлющего множества, при этом первое способно отделяться (быть отделяемым) от второго без ущерба для него. Такое значение смело можно отнести к прагматическому, не подчиняющемуся языковым законам.

Подобное прагматическое значение ставит вопрос о коррелятивности терминологии в том смысле, что предсказание соположенного ряда понятий с названным выше термином в целях юридического перевода становится достаточно проблематичным (о регулярности корреляций см. ниже), в особенности, если учесть частотность употребления *attachment* в общеязыковых контекстах и, как результат, омонимию между общеправовым и отраслевым значениями. Вследствие того, что современное законодательство ЕС по вещному праву диссонирует с традиционным для англо-саксонского права пониманием и наименованием форм владения, это позволяет отметить факт умножения в юридическом английском лексических реализаций при обозначении одних и тех же юридических понятий как факте лингвоареальной вариативности по отношению к давно сложившемуся традиционному англо-саксонскому узусу.

Юридический перевод как процесс установления терминологических корреляций: *владение* и *possession*

Среди переводоведов бытует мнение о том, что предпосылкой успешного юридического перевода является полное понимание текста-источника, с чем трудно не согласиться (см., например, мнение М. Chromá, которая в качестве основного требования к юридическим переводчикам выделяет глубокое и детальное знание проблематики, описанной в переводимом тексте [12]). Близкие мнения высказываются авторами зарубежной коллективной монографии по юридическому переводу [9; 32], а также [2; 8; 26; 30]. Несколько примеров, приведённых ниже, позволят проиллюстрировать процесс установления терминологических корреляций между единицами языка-источника и языка-рецептора как, по-видимому, основной этап юридического перевода, оцениваемого процессуально.

Так, в переводе «Модельных правил» особый интерес представляет структура понятия «владение»: это, по сути, классическое сочетание двух компонентов владения, принятых в большинстве правовых систем стран Европейского Союза – *corpus* (физический контроль над вещью) и *animus* (намерение владеть вещью как своей собственной или в интересах другого лица) [44: 400б]. Понимание и терминологическое обозначение этой концепции важно для практического применения норм DCFR, касающихся имущественных от-

ношений. Для российских юристов данная концепция нова и незнакома. В российском праве *владение* является лишь одним из правомочий собственника, наряду с пользованием и распоряжением [42: ст. 209]. В случае с *possession*, в DCFR используется не только этот термин, но и производные *owner-possessor*, *possession-agent*, *limited-right-possessor*. В словарном значении *possession* означает «владение» [38], однако, значения производных терминов не определяются однозначно.

Некоторые группы слов «вынужденно» коррелируют друг с другом в силу обязательных формально-смысловых связей, как, например: действие и деятель(и), деятель мужского и деятель женского рода, т.д. При этом подобные «корреляции в языке регулярны, и именно они соответствуют потенциальным связям мотивированного и мотивирующего смыслов, взаимно предполагающих друг друга в языковой системе в целом» ([6] цит. по: [7]). В этой связи актуально рассмотреть номинативные вопросы «деятели» или «лиц», которые представляют разные стороны в имущественных отношениях. Учитывая объём статьи, ограничимся примерами: *owner-possessor*, *limited-right-possessor* и *possession agent*.

Наименования сторон имущественных отношений:
терминологические дилеммы

Названия статей в DCFR позволяют уйти от необходимости создания новых русскоязычных терминов для обозначения участников имущественных отношений, эквивалентных перечисленным ниже английским. Документ содержит следующие переводные эквиваленты [43]:

- (1) Possession by *owner-possessor* – «Владение как своим»;
- (2) Possession by *limited-right-possessor* – «Владение производного владельца»;
- (3) Possession through a *possession-agent* – «Владение через агента во владении» (в целях статьи графическое выделение курсивом наше. – С.В., В.З.).

Анализ приведённых переводов статей показывает, что в (1) юристы-переводчики опустили название лица *owner-possessor*, предложив «обходной» путь. Как представляется, переводной эквивалент в заголовке был бы уместен для обозначения лица, осуществляющего разные виды владения, поскольку это лицо выступает одной из сторон в установлении имущественных отношений. Отсутствие отдельного имени для этой категории лиц приведёт к тому, что в дальнейшей работе с DCFR или с документами, ссылающимися на него, будут возникать трудности с определением правового статуса и содержания правомочий лица, указанного в названии статьи в оригинальном тексте и опущенное в переводе. Кроме того, третья условная категория лиц (3), поименованная как *possession agent*, – это доверительные управляющие, которые во многих странах ЕС (Франция, Бельгия, Италия, Австрия, Греция) не имеют статуса владельца, являясь, вместо этого, так называемыми «держателями» вещи (*detentor*, *detainer*) [44: 4006]. Терминологический выбор однокоренного слова/термина для наименования этой категории лиц – стилистически небезупречное реше-

ние, поскольку реализует силлогический вывод, хотя формальное следование языковой форме исходного языка соблюдено.

Possession agent – термин, дословно переводимый как «представитель владельца», «посредник во владении» или «агент во владении» [43], однако, владение через такого посредника (*possession through possession-agent* [44, VIII-1:208]) в юридическом смысле владением не является. Разработчики рассматриваемого документа поясняют, что категория посредника наиболее специфична в правовом смысле, так как посредники не имеют статуса непосредственного *владельца вещи*, являясь «длинной рукой» первых двух категорий владельцев [44: 4004]. Соответственно, на них распространяется наименьший объём защиты – только самопомощь в случаях, если любое третье лицо покушается на товар [цит. раб.]; прав на владельческие иски эти лица не имеют. Исходя из содержания термина, представляется обоснованным предложить для *possession-agent* переводной эквивалент *доверительный управляющий*. Такое переводческое соответствие позволило бы разрешить сразу две дилеммы: во-первых, исключить заблуждение относительно владельческих полномочий лица, а во-вторых, точнее передать смысл понятия в контексте российского права. Более того, в DCFR управляющий – это лицо, осуществляющее физический контроль над вещью исключительно в интересах владельца или владельца с ограниченными правами (нанимателя, арендополучателя). Правовая связь у управляющего с управляемой вещью отсутствует: например, управляющим является сотрудник компании или же добросовестные лица, нашедшие вещь и доставляющие её владельцу или в компетентный орган [44: 4005]. Прилагательное «доверительный» появилось в предложенном варианте неслучайно: подобный институт есть и в российском праве, и термин «доверительный управляющий» фигурирует в тексте ч. 4 ст. 209 ГК РФ:

«(...) Собственник может передать свое имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему). Передача имущества в доверительное управление не влечёт перехода права собственности к доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица» [42: ч. 4 ст. 209].

Owner-possessor обозначает категорию лиц с наиболее широким набором прав в отношении вещи. К этой категории относятся не только законные собственники вещи (добросовестные приобретатели, владельцы в силу приобретательной давности), но также все лица, которые владеют вещью как своей собственной, не обладая таким правом – недобросовестные приобретатели (воры) [44: 4003]. Термины *owner* и *possessor* в юридическом русском по словарным значениям синонимичны, означая *владелец, держатель, обладатель* [39]; при этом одно из значений слова *owner* – *собственник* [там же]. Однако перевод термина *owner-possessor* как *владелец-собственник* концептуально небезупречен, учитывая, что это относится в равной степени как к собственникам вещи, имеющим над ней физический контроль, так и к незаконным владельцам, владеющим вещью как своей (например, к ворам). Наиболее близкий по смыслу русскоязычный термин для *owner-possessor* – это *лицо, владеющее вещью как своей собственной*.

Limited-right-possessor по определению разработчиков DCFR – это лицо, осуществляющее фактический контроль над вещью в своих собственных интересах, а также в интересах лица, опосредованно владеющего вещью как своей собственной. Права таких владельцев устанавливаются посредством специальных соглашений (такими, как договор лизинга или узуфрукт) с собственником вещи. Авторы документа также относят в эту категорию отношения, установленные договором хранения, где интерес *limited-right-possessor* преимущественно состоит в том, чтобы, сохранив вещь для собственника, получить оговоренную в договоре плату [44: 4004].

В буквальном переводе с английского *limited-right-possession* означает *владение ограниченным правом* [39]. В этом случае лицо, владеющее таким ограниченным правом, следует называть *владельцем ограниченного права*. В «Модельных правилах» предложено переводить *limited-right-possessor* как *производный владелец* [43]. Концептуально можно возразить, что производным владельцем может также выступать управляющий, так как его право точно также производно от права собственника лица, владеющего вещью как своей собственной, как и право *limited-right-possessor*, хотя содержание таких прав, безусловно, разное. Более безупречным переводческим соответствием для *limited-right-possessor* представляется *владелец ограниченного вещного права*. При использовании этого терминологического сочетания очевидны и смысловое наполнение, и набор соответствующих правомочий.

Заключение

В настоящей статье были рассмотрены некоторые терминологические коллизии между терминами вещного права в юридическом пан-европейском английском и юридическом русском языках. Разница в значении рассмотренных примеров юридического перевода терминов вещного права в современном европейском и российском правопонимании иллюстрирует объективные сложности установления смысловых отношений и коррелятивные связи внутри смысловых групп терминов. Исходя из этого, полагаем возможным утверждать, что передача смыслового содержания терминологии в юридическом переводе, опосредующем правовую коммуникацию в языковой паре юридический пан-европейский–юридический русский, характеризуется значительной степенью аппроксимативности и наличием альтернативных переводческих решений, что составляет важные предпосылки юридического перевода.

На примере терминологии вещного права были продемонстрированы проблемы установления эквивалентности в юридическом языке, описывающем сферу частного права в ЕС и РФ, а также разница в обеспечении коррелятивности понятий вещного права в российском праве и европейском праве. Резюмируя сказанное выше, отметим, что вещные права в ЕС существенно отличаются от известных российскому юристу как содержательно, так и терминологически. При этом разрешение терминологических коллизий осложнено наличием в английском языке нескольких лингвоареальных вариантов, в частности, юридического пан-европейского английского, источником которого призван служить уникальный документ DCFR, составленный ведущими европейскими правоведами.

Список литературы

1. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / РАН. Ин-т государства и права. М., 2006. 150 с.
2. Ведерникова О.Н. Лингвистические ошибки с тяжкими последствиями, или проблемы перевода международных правовых актов // Вторые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 9–10 ноября 2006 г.): сб. ст. в 8 кн. Книга 8: Иностранный язык юридической специальности. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации. М.: РПА Минюста России, 2007. С. 51–55.
3. Власенко С.В. Правовая коммуникация в лингвоареальном ракурсе: юридический евроанглийский // Вестник Тверского государственного ун-та. Серия: Филология. 2011. № 28. Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 5–19.
4. Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Московского ун-та. Книга 1: 2005–2010. М.: Изд-во Высшей школы перевода МГУ, ИПО «У Никитских ворот», 2010. С. 98–106.
5. Евинтов В.И. Терминологические вопросы при составлении текстов договора на разных языках // В.И. Евинтов. Многоязычные договоры в современном международном праве / Академия наук Украинской ССР, Институт государства и права. Киев: Наукова Думка, 1981. С. 38–58.
6. Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2009. 174 с.
7. Косова В.А. Характер коррелятивности единиц словообразовательной категории // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/111-10731 (дата обращения: 06.04.2015).
8. Осаке К. Каноны грамотного юридического перевода: Размышления компаративиста-цивилиста на примере сравнительной цивилистики // Право и управление. XXI век / МГИМО, Международный ин-т управления. 2011. № 2(19). С. 61–65.
9. Ashgate Handbook 2014: The Ashgate Handbook of Legal Translation / L. Cheng L., K.K. Sin and A. Wagner (Eds.). Farnham, UK: Ashgate Publishing Ltd., 2014. 350 p. (Law, Language and Communication Series)
10. Baugh A.C., Cable T. Law Words, // Baugh A.C. and Cable Th. A History of the English Language. 6 ed. London: Routledge, 2013. P. 165–166.
11. Biel L., Engberg J. (Eds.) Research Models and Methods in Legal Translation // *Linguistica Antverpiensia. New Series – Themes in Translation Studies*. 2013. No. 12. [Electronic resource]. URL: <https://lans-tts.uantwerpen.be/index.php/LANS-TTS/issue> (accessed at: 11.02.2015)
12. Chromá M. Semantic and Legal Interpretation: Two Approaches to Legal Translation // Bhatia, V.K., Candlin C.N., Allori P.E. (Eds.). *Language, Culture and the Law : The Formulation of Legal Concepts across Systems and Cultures*. Bern, Berlin [et al.] : Peter Lang, 2011. P. 303–315. (Linguistic Insights. Studies in Language and Communication)
13. Emmert F. The Draft Common Frame of Reference (DCFR) – The Most Interesting Development in Contract Law Since the Code Civil and the BGB (March 17, 2012). Indiana University Robert H. McKinney School of Law Research Paper No. 2012-08. [Electronic resource]. URL: <http://ssrn.com/abstract=2025265> (accessed at: 11.02.2015).
14. Flynn W.J. *A Handbook of Canadian Legal Terminology*. Ontario: New Press, 1976. 114 p.
15. Garner B.A. *Garner's Modern American Usage*. 3-rd ed. Oxford and New York: Oxford University Press, 2009. 1006 p.
16. Haigh R. *Legal English*. 3d ed. London and New York: Routledge, 2012. ix, 302 p.

17. Krois-Linder A., TransLegal. International Legal English (ILE). A Course for Classroom or Self-Study Use. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 320 p.
18. Lee D.S., Hall C., Marsha H. American Legal English. Using Language in Legal Contexts. Ann Arbor: The University of Michigan Press; Moscow: ID Gorodets, 2006. 296 p. (Michigan Series in English for Academic and Professional Purposes).
19. MacQueen H.L. The Common Frame of Reference in Europe. // *Tulane European and Civil Law Forum*. 2010. Vol. 25. P. 1–19. [Electronic resource]. URL: www.ed.ac.uk/ (accessed at: 11.02.2015).
20. Martin J., Gibbins M. A–Z Law Handbook. 4-th ed. Deddington: Hachette, UK; New York: Philip Alan Updates, USA, 2014. vi, 297 p.
21. McAuliffe K. Translation at the Court of Justice of the European Communities. In: Olsen, F., Lorz, A.R. and D. Stein (Eds.). *Translation Issues in Language and Law*. London and New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 99–115.
22. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1963. viii, 526 p.
23. Olsen F., Lorz A.R., Stein D. (Eds.). *Translation Issues in Language and Law*. London and New York: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.
24. Robertson C. Legal Translation in Practice: EU Legislative Texts and Translation. // Cheng L., Sin K.K. and A. Wagner (Eds.). *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Farnham, UK: Ashgate Publishing Ltd., 2014. P. 155–176. (Law, Language and Communication Series)
25. Šarčević S. Creating a Pan-European Legal Language, in: *Legal Discourse Across Languages and Cultures*. // M. Gotti and C. Williams (Eds.). Peter Lang, 2010. P. 23–50. (Linguistic Insights. Studies in Language and Communication)
26. Šarčević S. Challenges to the Legal Translators // P.M. Tiersma and L.M. Solan (Eds.). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 187–199.
27. Tiersma P.M. *Legal Language*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2000. vii, 245 p.
28. Tiersma P.M. A History of the Language of Law // *The Oxford Handbook of Language and Law* / P.M. Tiersma and L.M. Solan (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 13–26.
29. Thorne S. Types of Legal Language // Thorne, Sara. *Mastering Advanced English Language*. 2-nd ed. London and New York: Palgrave–Macmillan, 2008. P. 377–391. (Palgrave Master Series)
30. Vlasenko S.V. *Contract Law: Professional Translation Practices in the English–Russian Language Pair : Sourcebook for students of law & linguistics*. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 320 p.
31. Vlasenko S.V. Minimal Unit of Legal Translation vs. Minimal Unit of Thought. // *The Ashgate Handbook of Legal Translation* / Le Cheng, King Kui Sin and Anne Wagner (Eds.). Farnham, UK: Ashgate Publishing Group Ltd., 2014. P. 89–120. (Law, Language and Communication Series)
32. Wagner E., Bech S., Martínez J.M. *Translating for the European Union Institutions*. 2-nd ed. Manchester, UK & Kinderhook (NY), USA: St. Jerome Publishing, 2012. (Translation Practices Explained).
33. Wolff L. Legal Translation // K. Malmkjær and K. Windle (Eds.). *The Oxford Handbook of Translation Studies*. 2-nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 228–242.

Лексикографические источники

34. БАРИОС 2003: Большой англо-русский юридический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. М.: Экзамен, 2003. 864 с.
35. БФСАР 2011(И): Большой финансовый словарь. В 2-х тт. / Сост. В.Я. Факов. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2011. Т. I. Англо-русский словарь. 872 р.
36. НАРРАЮС 2009: Новый англо-русский и русско-английский юридический словарь с транскрипцией / Сост. Ю.Д. Ильин. М.: Живой язык, 2009. 528 с.
37. Правовой классификатор 1998: Правовой классификатор и правовой тезаурус в законодательстве и юридической практике: материалы работы Экспертно-консультативного совета по проблемам систематизации и кодификации законодательства при Председателе Государственной Думы / сост. В.Б. Исаков и др. М.; Екатеринбург: Издательский отдел Управления делами ГД, Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. 368 с.
38. АBBYY-5 2011: АBBYY LINGVOx5 (2011): Electronic Multilingual Dictionary. АBBYY Software Ltd. [Electronic resource]. URL: www.Lingvo.ru (accessed at: 11.04.2015).
39. АBBYY-6 2014: АBBYY LINGVOx6 (2014): Electronic Multilingual Dictionary. АBBYY Software Ltd. [Electronic resource]. URL: www.Lingvo.ru (accessed at: 11.04.2015).
40. UNESCO Spines Thesaurus 1976: The UNESCO Spines Thesaurus 1976: A Controlled and Structured Vocabulary of Science and Technology for Policy-Making, Management and Development. // 4 Vols. Paris: The UNESCO Press, 1976.
41. Yogis J.A. Canadian Law Dictionary. Woodbury, N.Y. etc.: Barron's Educational Series, Inc., 1983. XI, 243 p.

Цитируемые правовые источники

42. ГК РФ: «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) – [Электронный ресурс СПС «Консультант-плюс»]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 21.04.2015).
43. Модельные правила 2013: Модельные правила Европейского частного права : пер. с англ. / Санкт-Петербургский гос. ун-т; науч. ред. Н.Ю. Рассказова; пер. с англ. М. А. Александрова и др. М.: Статут, 2013. 987 с. [Электронный ресурс СПС «Консультант Плюс»]. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 11.04.2015).
44. DCFR 2009: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition. Prepared by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) / Ed. by C. von Bar and E. Clive. Vol. I – VI. Munich, 2009. 1500 p. [Electronic resource]. URL: https://www.law.kuleuven.be/web/mstorme/2009_02_DCFR_OutlineEdition.pdf (accessed at: 11.02.2015).

**LEGAL TRANSLATION UNDER UNIFICATION OF PRIVATE LAW
TERMINOLOGIES IN PAN-EUROPEAN LEGAL LANGUAGE**

Svetlana V. Vlasenko, Vlada A. Zaslavskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow

The paper features a number of legal translation problems caused by the shaping of the Pan-European legal English and its rapid unification. In so doing, the paper aims at prioritizing those challenges associated with legal translation, which are seemingly linguistic by form, but affect the substantive comprehension of terminologies, legal norms and their definitions in the EU property law and, thus burden legal communication handled cross-linguistically. The examples given illustrate complications not only in establishing semantic relations between legal concepts to be translated, but also in identifying correlations among technical terms denoting proprietary relations within the EU.

***Keywords:** EU legal terminology, legal communication, legal English, legal Euro-English, legal Russian, legal usage, linguistic areals variability, Pan-European legal English, property law terminologies, semantic relations.*

Об авторах:

ВЛАСЕНКО Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент факультета права Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ, Москва), e-mail: svlasenko@hse.ru

ЗАСЛАВСКАЯ Влада Анатольевна – аспирант кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва), e-mail: vlada.zaslavskaya@gmail.com